

Марчелли Евгений

Дом, который построил Марчелли

Евгений Марчелли (экзотическая фамилия от папы — итальянского политэмигранта) — режиссер в театральном мире известный. На недавней церемонии вручения театральной премии «Чайка» поставленный им в Театре им. Евг. Вахтангова спектакль «Отелло» фигурировал во всех ведущих номинациях. Между тем Марчелли живет в городе Советске, некогда Тильзите, возглавляет театр, именуемый «Тильзит-театром», хотя настоящее его имя — областной ТЮЗ «Молодежный». Марчелли, с одной стороны, гордятся, а с другой — считают его едва ли не залетной птицей, хотя залету уже 15 лет. Кто-то усматривает в нем гордыню, столичный налет не в самом лучшем смысле этого слова. Между прочим, и другой «театральный персонаж» Калининграда — Евгений Гришковец, переехавший всего несколько лет назад на эту землю из Кемерово, вдруг разом получивший безоговорочное признание в Москве, — воспринимается «на месте» двояко — вроде своего среди чужих и, соответственно, чужого среди своих. Одно дело — московский счет, другое — свой, там, где ты живешь и не всегда вписываешься в привычный уклад.

— У Евгения Марчелли трудная жизнь. Эти слова были сказаны здесь, в Калининграде. В Тильзите, где вы живете, население...

— Сорок три тысячи.

— Одно промышленное предприятие, город рабочий...

— И нищий.

— А вы ставите не кассовые пьесы, не Птушкину...

— Не Птушкину.

— И жизнь ужасна?

— Жизнь на самом деле ужасна, особенно в последние четыре года. До этого мне казалась она шикарной и красивой. Я в Советске работаю пятнадцать лет, и был период советской власти — кусочек, который я успел захватить, — когда нас мало, но стабильно финансировали. Мы объездили Европу, побывали на разных фестивалях, что-то стало получаться, областное руководство нас поддерживало. Сменилась власть, пришел новый губернатор — и театр передали городу, а город нищий, и театр умирает. Еще года два — и его не будет. Уже пять лет, как в театр не пришел ни один молодой артист. Зарплата — 250 — 300 рублей, максимум — 400 рублей, и никакой возможности подработать. Тяжелейшее время. И если наша областная власть не окажет никакой поддержки, театр просто умрет. А я, естественно, уеду работать куда-нибудь в другое место. Но тем не менее мы ставим Шекспира.

— Какой у вас репертуар?

— Живых спектаклей у нас, быть может, десять. К сожалению, любой наш спектакль выдерживает максимум 10 — 15 представлений. Потому что город маленький, и нет никакой возможности куда-то выезжать. У нас потрясающее здание — старое немецкое, театральное, с великолепной акустикой. Абсолютно пропорциональны сцена и зал на 250 мест. Идеально! Но все равно спектакли больше 10 — 15 раз не идут. Искусственно мы их в репертуаре держим, но показывать все равно некому. Их около тридцати, таких законсервированных.

В пятницу и субботу даем вечерние спектакли, в воскресенье — сказка для детей. Играем всего три дня в неделю, и сезон у нас короткий — с середины ноября до середины апреля. Если его продлить, никто не придет. Хотя цены на билеты достаточно низкие — 30 руб-

лей, но все равно это дорого для людей.

— Формируя репертуар, вы думаете о том, что надо не только о своей творческой потенциальности заботиться, но и о том городе, в котором живете, о том, что нужно людям?

— Раньше я об этом не думал, меня это не интересовало. Мы получали стабильные деньги и делали то, что нам хотелось. Занимались искусством. Но не получается сделать за одну неделю легкий водевиль или легкую комедию, мелодраму. Не лежит душа. Мы продолжаем делать то, что мы делали, стараемся изо всех сил. У нас ведь ничего другого, кроме этого театра, нет, как бы высокопарно это ни звучало. Если мы в чем-то себе изменим, то дальше незачем больше существовать, незачем жить в этом городе и надо искать себе другое место.

— В дни нашего пребывания в Калининграде только и слышу слово «оторванность». Она существует? Вы ее ощущаете?

— Оторванность от России? Нет. Я вообще не понимаю, где географически мы живем. Кажется, что живем даже «центрее», чем Москва. По-европейски «центрее». Ощущения экономическая оторванность от России, а не географическая. Я живу в городе очень бедном. Главное предприятие города — целлюлозно-бумажный комбинат, который в больших долгах и рабочим там не всегда платят зарплату. Наши актеры иногда подрабатывают грузчиками.

— Сезон у вас короткий. А что вы делаете все остальное время?

— Репетируем. Много и долго.

— Помимо работы в Тильзите, что у вас еще есть в арсенале?

— Главным образом это гастроли, поездки, фестивали, на которые мы стремимся. Летом стараемся выехать в западные страны, чтобы и себя показать, и мир посмотреть. Мы вошли в фестивальную обойму. Наладились связи с Италией, Германией, Польшей. Делали даже обменные гастроли. Но все это было два-три года назад. Теперь все реже удается, так как дорогу чаще всего мы вынуждены оплачивать сами. Гастроли носят коммерческий характер.

— Артист, работая в вашем театре, фактически не получает никакого материального вознаграждения. Вам нечем его привлечь, кроме творческой идеи. Во имя чего работают люди?

— Главная часть труппы, с которой я работаю уже десять лет, — причем и они пробовали работать с другими режиссерами, и я с другими актерами, — мы понимаем друг друга. Многое наработано за прошедшие годы. И это дорогого стоит. Мы — как большая семья, как родственники, которые не могут разъехаться, пока нас не попросят из дома. Нароботанный нами язык, общее дело нам доставляют огромное удовольствие. И в этом, может быть, единственный смысл жизни, как бы нелепо ни звучали мои слова.

— Вы думаете о своей судьбе, об индивидуальном пути в искусстве?

— Честно говоря, не очень думаю. Случается иногда что-то, возникают предложения, но они творчески мало меня интересуют, это мне неблизко. Театры предлагают ставить ту драматургию, которая мне не нравится. Может заинтересовать коммерческая сторона дела, и только. Надеюсь, что-то изменится в жизни в связи с приходом нового губернатора, изменится отношение к театру, и мы тогда продолжим свою жизнь, хотя надежд на это мало.

— Вам не кажется, что вы существуете в замкнутом пространстве? Нужны, наверно, шаги в сторону.

— Да, кажется. И шаги нужны время от времени. Поэтому раз в два-три года езжу на дико тяжелую работу, которую для себя определяю как мясорубку, — в академический театр вроде Вахтанговского.

— Крови много ушло в Вахтанговском театре?

— Очень много. Туда приглашают очень известных режиссеров, а я для вахтанговцев — режиссер малоизвестный, из маленького провинциального городка. Но в силу характера своего, может быть, я легко ладил с артистами. Удалось доказать, что я имею право работать в их театре. Отношения складывались довольно легко, но, конечно, не со звездами — с ними трудно уже в силу их особого положения. В этом театре у звезд есть право сказать «я этого не хочу», «делать это не буду», «под меня надо работать».

— Вы говорите, что тяжело работать и в собственном театре, но тем не менее провели же пятнадцать лет в не родном для себя городе. Что же вас держало?

— Думаю, что инерция. Или инертность. Было так хорошо, был потрясающе красивый период, когда пришли молодые и изумительно талантливые артисты. Трудно уйти из дома, который ты построил.

— Но жизнь-то идет... У вас что сейчас происходит?

— Мы открыли в ноябре сезон, выпустили премьеру. Работаю над пьесой Островского «Правда — хорошо, а счастье — лучше», потом приступаю к Мольеру — «Лекарь поневоле». Работаю подолгу и тщательно. А потом играем спектакль десять раз, и все. И зрителя больше не собрать. Такая вот печальная история. Но я, кажется, уже повторюсь.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА

Культура — 2001 — 18 — 24 янв. — 94